

Галина Ивановна Власова окончила филфак Целиноградского ГПИ им. С. Сейфуллина, очную аспирантуру кафедры русского устного народного творчества МГУ им. М. В. Ломоносова, защитив в 1990 году кандидатскую диссертацию по фольклору. В 2006 году защитила докторскую диссертацию на тему «Обрядовый фольклор восточных славян в контексте праздничной культуры (на материале записей XX века в Казахстане)». С 2008 года руководит кафедрой филологии в Казахстанском филиале МГУ, где работает со дня его основания. Научные интересы: современная фольклорная традиция, мифопоэтика, русская литература Казахстана.

Является автором более 180 научных работ, редактором и составителем трех сборников текстов по славянскому фольклору Акмолинской, Северо-Казахстанской и Восточно-Казахстанской областей Казахстана на материале фольклорных экспедиций КФ МГУ имени М. В. Ломоносова. Награждена Грамотой МОН РК за продуктивную педагогическую деятельность и научные достижения, нагрудным знаком «Почётный работник образования РК», медалью Пушкина за заслуги и вклад в изучение и сохранение культурного наследия России, Почётным знаком Россотрудничества «За дружбу и сотрудничество», нагрудным знаком «Б. Алтынсарин».

Галина ВЛАСОВА

УСТНЫЕ РАССКАЗЫ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В ФОЛЬКЛОРНЫХ ЗАПИСЯХ НАЧАЛА XXI ВЕКА

Устные рассказы, воспоминания, письма, песни, частушки о войне – это живая многонациональная память. В собрание материалов студентов-филологов МГУ вошли воспоминания и рассказы жителей Казахстана о Великой Отечественной войне, записанные во время фольклорной практики в сёлах Северного Казахстана, в доме престарелых города Астаны, а также устные рассказы о прошлом своих родственников в рамках проекта «Семейный фольклор». Вошли сюда и обнаруженные ими мемуары очевидцев войны в Государственном архиве Астаны.

Безусловна значимость данного проекта, поскольку семейный фольклор рассматривается как феномен этнокультурной традиции, актуализирующий фольклорное и этническое самосознание как носителей, как и собирателей.

Цель и задачи исследования – ввести в научный оборот опубликованные и архивные материалы (устные рассказы и воспоминания о войне) жителей

Казахстана; систематизировать опубликованные и архивные устные рассказы и воспоминания о войне; выявить сквозные мотивы меморатов о войне; создать «портреты ветеранов войны и тыла». Писатель Константин Симонов подчёркивал огромную важность записи и сохранения воспоминаний о войне – «живой» памяти и «живой» истории – и сам немало для этого сделал [5].

Устные рассказы о войне – разновидность автобиографических меморатов, не укладывающихся в привычные жанры фольклора. «Не будучи фольклором в строгом смысле слова, они вместе с тем представляют зародыши искусства и находятся на смыкании искусства и жизни» [6].

Актуально звучат и сегодня слова Н. В. Новикова, произнесённые ещё в 1964 году: «События Великой Отечественной войны... постепенно выветриваются из памяти людей и могут быть навсегда утеряны для потомства. Чтобы этого не произошло, ещё не поздно нам, современникам и участникам войны, энергично, по-боевому и в широком масштабе развернуть работу по собиранию народного творчества военных лет. Наряду с песнями, частушками, легендами и анекдотами... в орбиту собирания должны быть включены рассказы о людях и событиях Великой Отечественной войны. Мы не можем пренебрегать этим видом словесного искусства народа, исключать его из поля своего зрения. Наверняка не все из записанных рассказов будут отвечать высоким эстетическим требованиям и безоговорочно причисляться к фольклору. Но если даже из ста записанных рассказов хотя бы один будет подлинно художественным, то это вполне окупит труд фольклориста. К тому же и другие, малохудожественные и нехудожественные рассказы, навряд ли окажутся балластом в руках исследователя (не только фольклориста, но и историка, философа, психолога), поскольку помогут ярче и глубже осветить одну из ярких, героических страниц в истории нашей Родины» [7].

Несколько перефразируя слова Д. С. Лихачёва, можно сказать, что военный фольклор – это фольклор одной темы и одного сюжета. Сюжет – это война со всеми её перипетиями, а тема – подвиг в ней солдата.

Воспоминания ветеранов войны по праву можно рассматривать не только как документы войны, но как художественное явление, обладающее всеми признаками народного устного словесного искусства, таким образом, они являются органической частью фольклора нашего времени. Выразительность и образность речи, содержательность, жесты, интонации, удивительная способность памяти (а им по восемьдесят и больше) хранить по дням свой боевой путь, помнить десятки городов и населённых пунктов – таковы характерные особенности этих воспоминаний.

Изучение устных рассказов, представляющих собой традиционно сложившуюся форму передачи личного опыта (в том числе опыта выживания в экстремальных ситуациях, в частности на войне и в тылу) имеет большие перспективы в фольклористике. Многократное повторение военных воспоминаний перед слушателями (детьми, внуками, соседями, собирателями) делает их не просто единичным актом индивидуальной памяти, а коллективным достоянием: их сюжеты достраиваются, наиболее эмоциональные образы получают художественно-обобщённые формы.

Публикация фольклорных текстов, появившихся во время Великой Отечественной войны, началась ещё во время самих боевых действий. Однако если на первых порах основной корпус текстов фронтового, партизанского, военного фольклора составляли песенные и стихотворные жанры, то постепенно ведущее место в его составе стали занимать произведения народной прозы. Это обосновано особым набором социальных функций таких текстов. Воспоминания участников боевых действий и жителей оккупированных территорий и тыла приобрели статус «жи-

вых свидетельств», обличающих врагов и фиксирующих в народной памяти события войны. Самые яркие, надёжные, правдивые, проверенные временем материалы – это те, которые хранятся в памяти участников войны, людей, её переживших.

Тексты семейного фольклора, в том числе устные рассказы и воспоминания о войне, записаны от информантов, проживающих в Казахстане с начала XX века. Многие из наших рассказчиков – переселенцы или их потомки во втором и третьем поколениях. В материалах представлены записи из разных населенных пунктов Казахстана, в соответствии с маршрутами фольклорной практики. Обследованы старожильческие села и казачьи станицы Северо-Казахстанской области (Зеренда, Имантау, Арык-Балык, Володаровка, Нижний Бурлук, Лобаново, Пресновка, Катарколь), сёла Акмолинской области (Приозёрное, Зеленый гай, Садовое) и старообрядческие поселения Восточно-Казахстанской области (Черемшанка, Первороссийское, Соловьево, Крестовка).

В рамках проекта «Семейный фольклор» материалы о войне записаны в следующих населенных пунктах: Астана, Караганда, Павлодар, Кокшетау, Костанай, Темиртау, Хромтау, а также в сёлах Щербакты, Ынтымак и Кишкенеколь. В состав исполнителей вошли близкие родственники (бабушки, дедушки, мамы, папы, сестры, братья, тёти и дяди) собирателей, студентов первого курса Казахстанского филиала МГУ. Также некоторые собиратели сделали самозаписи, свои воспоминания о рассказах родственников.

В числе информантов есть ветераны Великой Отечественной войны, известные в своих областях люди. Это Линник Олег Иванович, председатель Совета ветеранов, Зюков Николай Ананьевич из Астаны; Шахов Григорий Борисович из села Зеренда, Винокуров Георгий Иванович из села Володаровка, Еремеев Иван Иванович и Шкавров Алексей Карпович из села Черемшанка, Богатырёв Петр Тихонович и Глушков Сергей Александрович из села Приозёрное. Они имеют награды, ордена и медали: «**Орден Отечественной войны I степени**», «**Орден Отечественной войны II степени**», медали «**За отвагу**» и «**За победу над Германией в ВОВ 1941–1945 гг.**».

С каждым годом остаётся всё меньше и меньше тех героев, которые лично застали события Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, навсегда оставивших след в нашей истории. Сегодня в Акмолинской области проживают всего восемь ветеранов ВОВ. Большинство информантов – это участники войны, тыловики – обычные люди, которые помнят период войны, жизнь в оккупации и в тылу.

Особенно впечатляюще представлен период Великой Отечественной войны в семейных рассказах и воспоминаниях. «Война» воспринимается как «испытание» для семьи, пребывание в ином качестве и в сфере непосредственного соприкосновения со смертью. У абсолютного большинства семей есть подробные рассказы о «первом» и «последнем» днях войны.

Устные рассказы и мемуары о войне как тип источника

В подробной аналитической статье доктора исторических наук и действительного члена Академии военных наук Е. С. Сенявской [8] даётся характеристика различных типов источников, с помощью которых можно изучать «психологию Великой Отечественной войны». Это исторические источники: «официальные» (листовки, военная печать, материалы военной цензуры и др.), «субъективные» (письма, дневники, воспоминания, материалы «устной истории»); «личные» источники (в частности, фронтовые письма); социологические: данные статистики, интервьюирование, анкетный опрос. Материалом данного сборника послужили именно «субъективные» источники – мемуары, воспоминания о войне (устные и письменные).

Устные рассказы о войне: композиция, мотивы и образы

В исследовательской практике фольклористы XX–XXI вв. использовали для обозначения устных воспоминаний несколько терминов, отличающихся оттенками значения: устный рассказ, рассказ о прошлом, автобиографический меморат. К. В. Чистов вводит в отечественный научный обиход термин К. Сидова *Memorat* применительно к обозначению устного рассказа, который «в устах разных рассказчиков может быть и обыденным сообщением, и художественным рассказом», предлагая «удерживать за *Memoratom* название “сказ”»; позже за термином «меморат» закрепилось следующее значение: это рассказ, передающий воспоминания исполнителя о фактах его жизни, о событиях, участником которых он был (в отличие от не основанных на собственных воспоминаниях квази-меморатов и фабулатов) [9].

И. А. Разумова отмечает наличие в меморатах периода Великой Отечественной войны параллельных сюжетов («мужского», «женского», «детского») и выделяет следующие типы: «фронтной» (условно – «мужской») и женский, сгруппированный по темам («эвакуация», «жизнь в оккупации» и т. д.), не останавливаясь, впрочем, подробнее на их анализе [10, с. 309–310].

Таким образом, можно отметить, что устные рассказы о войне не отличаются композиционной стройностью, логической последовательностью – они прерываются отступлениями, субъективными оценками своих командиров, друзей. Для повествования характерны разные стили: если речь идёт о конкретных эпизодах войны, то речь лишена эмоциональности, сохраняет стиль военного приказа и его выполнение. Совершенно другой стиль повествования – рассказ о себе, о предвоенной, короткой школьной юности. Описывая битвы, ветераны тяготеют к эпическому повествованию, подчёркивают их масштабность, решающее значение. Для воспоминаний характерны своеобразные зачины, в которых исполнители описывают малую Родину, указывают, откуда они родом, чьи они сыновья, сколько их было.

Рассматривая в этом аспекте устные рассказы и воспоминания о войне из архивных материалов фольклорных экспедиций КФ МГУ, выделим их основные мотивы.

Ключевые мотивы воспоминаний о войне – описание военного эпизода, ранения и послевоенной жизни; описание военных эпизодов, особенно памятных и незабываемых для рассказчика (разведки, авиации дальнего действия); перечисление ранений и наград; первое боевое крещение; ранения и забота врачей; описание страшного эпизода из военной жизни; срыв боевого задания; характеристики военных друзей, восхищение их мужеством; воспоминания о детстве, юности, о родных; оценка войны; известие о победе.

Ключевые мотивы и образы устных рассказов о войне – объявление войны и реакция людей; начало войны, выселение из города в колхоз; о войне и вере; о духе советского народа; о наборе в армию; жизнь и работа в тылу; о жизни в оккупированном селе; бомбёжки и спасение от них; эвакуированные, их жизнь и помощь; о голоде; обнаружение шпионки; собирание детьми лечебных трав для фронта; о похоронке на отца; о солдатах, вернувшихся с войны; о ветеранах войны сел Казахстана; о защитниках Родины; фронтовые товарищи; получение известия о победе и реакция людей; о жизни села Черемшанка в военное время; о воевавшем отце, бабушке; о семейной памяти; воспоминания родителей, бабушек, дедушек.

Среди перспектив изучения меморатов о войне, как и бытовых устных рассказов других тематических разновидностей, – их подробное описание, классификация, сопоставление их устной и письменной форм, запись воспо-

минаний в многопоколенных семьях по нисходящей линии и, конечно, продолжение полевой работы и тщательная фиксация драгоценного наследия народной памяти.

Литература

1. Славянский фольклор Северного Казахстана (на материале фольклорных экспедиций Казахстанского филиала МГУ имени М. В. Ломоносова 2003–2007 гг.): В 2-х т. / Ответ. ред. Г. И. Власова. Сост. Е. А. Доценко. Т. I. Народная проза. Обрядовый фольклор. Астана, 2008. 320 с.
2. Русский фольклор Восточного Казахстана (на материале фольклорных экспедиций Казахстанского филиала МГУ имени М. В. Ломоносова 2010-2013 гг.). В 2-х томах. Том I. Народная проза / сост., автор вступ. статьи, подготовка текстов Г. И. Власова. – Астана, 2019. – 200 с.
3. Власова Г. И. Устные рассказы о войне // Сайт «История Казахстана». e-history.kz/ru/contents/view/1903
4. Фольклорный архив Казахстанского филиала МГУ. Проект «Семейный фольклор» (2020–2024 гг.).
5. Симонов К. Солдатские мемуары. Документальные сценарии. М., 1985.
6. Гончарова А. В. Устные рассказы о Великой Отечественной войне. Калинин, 1974.
7. Новиков Н. В. Советские фольклористы и современность // Проблемы современного народного творчества. Русский фольклор. М.–Л., 1964. Т. IX. С. 32.
8. Сенявская Е. С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997.
9. Чистов К. В. К вопросу о принципах классификации жанров устной народной прозы // Фольклор. Текст. Традиция / Сост. К. В. Чистов. М., 2005. С. 50.
10. Разумова И. А. Потаённое знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. – М., 2001.

УЧАСТНИКИ И ВЕТЕРАНЫ О ВОЙНЕ

Воспоминания о войне

Родился я в Оренбургской области, оренбургский казак по природе. Мать я не помню, отец умер, может, было годиков пять мне. Воспитывался по очереди у трех сестёр, пока десять классов кончил. Поступил в техникум, отсюда в армию взяли в сороковом году. В артиллеристское учебное набирали, я подал рапорт, и меня без испытания взяли. Я годичное учение кончил с отличием. И готовил младший сержантский состав, всех, кого направляли на фронт.

На фронт все рвались, патриотизм большой, дочка, был. Я не встречал ни одного, чтоб отлынивал. А когда попал на фронт, до капитана вырос. Пришёл младшим лейтенантом. За Крым получил орден Красной звезды, корректировал огонь полка всего. Это при том условии, что Севастополь в гористой местности, и там не видно, кто где засел. Ну за корректировку огнём успешно наградили «Красной звездой» меня и званием лейтенанта.

А в Прибалтике в июле месяце под Тарту, в Эстонии, сильные бои были, за них звание старший лейтенант получил. И где-то в августе месяце меня командиром батареи назначили. Я артиллеристов тренировал в быстроте наводки, прицел чтоб быстрый был. Я всё им объяснил, чтоб за одну минуту, не за час, сделать несколько выстрелов прицельных, а тренировал на закрытых позициях, чтоб там тоже не обнаружил противник.

Ну вот потом Ценген (неразб.), это городок, узловая станция. В направлении этой станции он [враг. – Ред.] пустил тяжёлую танковую дивизию, «Тигрь» и «Пантерь», при том сильная артподготовка. На каждый километр артподготовки он сосредоточил сто пятьдесят полевых орудий. А там миномёты бьют. Название дивизии было «Адольф Гитлер». Ну и вот такая сильная была подготовка его по наступлению. Солнца за облаками не видно, а по сути дела это был солнечный хороший день, это из-за гари было. Тогда мы уничтожили семь танков, это много, дочка. Если б моя батарея не уничтожила, а мне бы кто сказал, я сказал бы: брешешь ты! И вот мы семь танков сожгли. На другой день меня в штаб армии вызывают, командиру полка звонили, чтобы привезли. Нас четыре офицера было. Командир армии наградил нас орденами Александра Невского, а этот орден даётся за уничтожение противника, значительно превышающего по силе и технике. И тут – звание капитана, погоны нам заменили, и я оттуда уже ехал капитанам.

И вот когда я Александра Невского получил, сфотографировал, послал сёстрам, они меня непослушным считали. Ну а там все старики: так в кого ж ему быть плохим, отец-то его был рубака первый! А дед! В кулачном бою ему не было равных! Не в кого мне плохим быть. Этого ордена здесь ни у кого нет.

Кончил я в Пруссии, нас на Берлин не послали. А потом в мае месяце нас перебрасывали на восточный фронт с Японией. 9 мая эшелоны пришли. Я там сам всё видел: и радость, и слёзы, и пляски, у кого-то кто-то не пришёл. Мы молодёжь были, девчата крутятся кругом, обнимаются, ласкают. Когда объявили по радио, что немцы капитулировали, я спал. Стрельба. Я думаю, может, напали партизаны, а у немцев партизан не было никогда. Гитлер знал, что против России один не выстоит, поэтому и заключил такой союз Рим – Берлин – Токио. На восточный фронт мы в Монголию прибыли. Задача наша была окружить японскую армию и уничтожить её. Но мы ни одного выстрела не сделали, не пришлось. Япония же капитулировала...

У нас совсем другие, совсем другие люди, нас нельзя равнять ни с какой другой нацией. В войну семьдесят пять процентов женщин работали тяжёлым трудом. Где на западе встречалось такое? Подросткам 14-15 лет – они по 12 часов работают токарями. В наступлении у нас садятся на танки, а мы не видели ни одну картину, где бы немец сидел на танке. Там не легковая машина, там тряска, так они за танками идут: танки встали, и они встали. Вот Вильгельм так выразился: для того чтобы русского убить, его сначала надо повалить на землю. Это выражение его.

Мы совсем другие, дочка. У нас и татары, и башкиры, и чувашы, это так называют – русские... у нас многонациональный народ. Говорят, казахи, а у нас 50 процентов славян. У нас все национальности сполна отдали. Немцы рассчитывали, что стоит начать с Россией войну, как начнётся между республиками драка. А он пройдёт потом маршем. Для Франции две недели потребовалось оккупировать. Они маршем прошли. Войну с нами тоже начали по-западному: в субботу не воевали, отдыхали, в воскресенье тоже. В церковные праздники тоже не воевали и не работали на заводах. В государственные тоже. Перестали справлять в октябре месяце, когда стали получать отпор от Советской армии. А после разгрома под Москвой они вовсе перестали выходные делать.

После войны 17 лет я директором совхоза был в Костанайской области. Было присвоено совхозу звание Совхоза образцового порядка и животноводства. Не крали, ничего такого не делали. Был случай один, но после него ничего такого не было. Школа тоже образцового порядка была. Мы были патриотами своей родины.

Записано в 2010 году в г. Астана, в Доме престарелых от Зюкова Николая Ананьевича, 1927 г. р., русского, ветерана Великой Отечественной войны. Собиратель Муканова Ж.

Воспоминание о военном пути

Пришёл в военкомат. Капитан у меня спросил: «Куда же ты пойдёшь 1928-го года рождения? Я тебе подскажу, что делать. Припиши себе два года. Так тебе будет не 15 лет, а 17». Вот я это и сделал. Заполнил анкету. Так и попал на фронт. Сначала в 374-й стрелковый полк в Кунгуре.

Было нас там 150 человек. Когда туда прибыли, там стояла 7-я запасная стрелковая дивизия. Рост у меня был метр сорок. Ребята остальные были хлопцы мощные, статные, а я стою там, как «шпендель», метр сорок роста. Начали нас распределять. Сначала обучали, потом на фронт отправляли.

Пятого августа мы были под Москвой, на станции Андроновка. Как раз пятого августа был первый салют, в честь освобождения Белгорода и Орла. А я подумал сперва, что Москву бомбят. Провели мы на станции один день. Проехали ночью Тулу, Ясную Поляну. Вечером заметили на небе самолёты. Наш состав остановили. Разбежались мы кто куда. Самолёты летают, бомбят. Их отстреляли, они улетели. Нам дали команду «по вагонам!» Когда начало смеркаться – снова налёт. Но останавливаться никто не стал. Мы приехали в десять утра на станцию Мценск (50 км от г. Орел).

Вот мы построились и пешком 50 километров. Было невыносимо жарко. К обеду нам дали по куску селёдки, воды во фляжке было немного. И нам запретили пить. Пришли мы в своё расположение, куда нас привели. Построили всех, 900 человек. И пришли «покупатели». Стали выбирать тех, которые были нужны для ремонта танков (в танковом корпусе). Остальные, без специальности, остались ждать. И я в их числе. Нас осталось трое или четверо пацанов (метр сорок ростом). Нас четверых забрали в разведзвод.

Об интересном случае

Был один интересный случай. Первые сутки я дежурил с 2 часов ночи до 6 утра. Разводящий меня привёл, определил. Было три знамени: шефское, совета министров и знамя бригады. Вот меня поставили, а дело было в сентябре месяце. Листики падают, ветер дует. А мне казалось, что кто-то подбирается ко мне. Автомат у меня был, курить было запрещено на посту. В 80 метрах от меня штаб бригады. Что делать? Я эти три знамени вытаскиваю, оттащил метров на 15, лёг. И задремал. Минут 15 всего прошло. Открываю глаза, а уже светло. Куда какое знамя ставить, я не знаю. Кое-как их затолкал. Только встал на пост, подходит офицер штаба бригады. Он приветствует не меня, а знамёна. Мне казалось, что меня. Вот и думал я: «Какой почёт!» Меня сменили. Пришёл на караульную службу. Совесть меня мучает. Как сказать лейтенанту, что я спал? Тем более у знамени. Если бы знамя украли, бригаду расформировали бы. А офицеров отдали бы под суд. Вышли мы покурить, и я рассказал лейтенанту. Вроде стало легче, как камень с души. Он сказал: «Молодец!» И никому больше он об этом не рассказал...

В первом же бою получил удар в голову. Так и попал в медсанбат. Пробыл там 10 дней. Вызвали меня в штаб корпуса, где сказали мне, что я своё отвоевал и пора мне домой ехать.

Записано в 2010 году в г. Астана, в Доме престарелых от Линник Олега Ивановича, 1928 г. р., русского, ветерана Великой Отечественной войны. Председатель Совета ветеранов. Собиратель Муканова Ж.

Воспоминания о войне и послевоенной жизни ветерана ВОВ

Забрали меня на фронт, когда было мне всего семнадцать лет. Служил сначала в пехоте, а потом разведчиком. Призвался в Казахстане, а служил сначала

в Украине, потом в Беларуси. Праздников мы тогда не знали. Да и некогда! Война была. Знали только окопы. В зиму и лето. А когда в разведке служил, тогда легче было. Приведёшь, бывало, «языка» и отдохнёшь немного, пока задание другое не дадут... Однажды послали нас захватить вражеский лагерь. А немцы-то поле заминировали! Одного убило сразу, командира в руку ранило, а я покалечил обе ноги. Зато двух «языков» привели. Один унтер-офицером оказался.

Когда я стал ходить, немного лучше стало, переехал в село Троицк Зерендинского района. Вот так я вернулся с фронта на двух костылях. Играл в клубе на гармошке – меня туда на машине привозили – и зарабатывал этим. В день по пятнадцать рублей давали. Работал механиком в совхозе. В пятьдесят пять лет вышел на пенсию. И на пенсии работал десять лет. Имеются награды: Орден Славы, медаль «За отвагу», «За победу». И очень много юбилейных наград, грамот.

Записано в 2003 г. в с. Зеренда от Шахова Григория Борисовича, 1925 г. р., уроженца с. Викторовка, ветерана ВОВ, пенсионера.

О чуде выжить на войне

Мои родители приехали в Володаровку в 1911 году, я уже здесь родился. В школе я почти не учился, самоучка, можно сказать. В колхозе работал трактористом, а потом, в 1937-м, я был призван в действующую армию, отправили меня на Дальний Восток, во Владивосток. Служил я в Особой Краснознамённой Дальневосточной Армии, в 120-м стрелковом полку. Потом я на курсах танкистов учился около четырёх месяцев. Я только получил машину, как в 1937-м, 1938-м японцы там, на Хасане, начали границу переступать. По тревоге мы выехали на озеро Хасан, воевали там недолго, с 1 августа по 8 августа. Потом получилось перемирие, но много наших товарищей там полегло. В 1939 году я демобилизуюсь, приезжаю домой, в Володаровку, начинается Финская война, я в то время в госбанке работал инкассатором.

Потом началась Отечественная война. Меня, как и всех, призвали. Я прибываю в Ворошиловград, нас формировали в Петропавловске и отправляли на Украину. Сразу, как только прибыл на фронт, меня забирают в разведку. Ведь в разведке всё время потери, поэтому всё время нужно пополнение. У нас просто спрашивали: «Служил?» – «Служил». – «Всё, в разведку». В первый же день меня взяли в разведку, и два парня, казаки, погибли. Потом, в 1942-м, когда немец наступал, мы отступали к Ростову-на-Дону, но немцы так бомбили, что не получилось у нас переправы, пришлось по воде по шею идти. Мы когда пришли туда, а там всё брошено, люди всё побросали. Потом я опять в разведке, только в другой дивизии, приводил языков: с окопов брали, с мотоциклов сбивали. Сидели в засаде, выходили замаскированные на дороге, выжидали. Если много едет, то пропускали, а если один мотоцикл, то старались сбить. Они же обычно возят всякие сведения. Языков, которые лишние, мы их уничтожаем. А нужных приводили в штаб полка, а там уже что с ними делают? Убивают или что – мы не знаем. Мы порой брали языков вместе с лошадьми. Вот кусались они здорово!

Много раз нас и в бой посылали в 1942-м. Нужно было взять одну высоту, сопку, которую немец взял. Они нас подпустили, а потом как дали ракетами, пулемётами, гранатами. Тут опять у меня командир погиб, много у меня командиров, начиная ещё с Хасана, погибло. Много тогда раненных нас было, и я тоже. Потом я в госпиталях был, в Сочи, в Тбилиси. Потом, так как я негодный был, отправили меня в отпуск на шесть месяцев. В 1943-м я пришёл домой, а через шесть месяцев комиссия подтвердила мою негодность. Больше я на войну не ходил. И я только на своей территории воевал, так как первые года-то только отступали. Разведка, считается, – глаза и уши армии. Вообще, можно сказать, что то, что я выжил в такой

страшной войне – это чудо. Ведь я и в окружении был, и вот ещё два случая вам расскажу. Однажды мы сидели с парнями, кто зашивал что-то, а кто ружьё чистил. И вот один дурень чистил, а не разрядил. И оно как пальнёт! Прямо вот по мне пуля прошла, царашину оставила! Вот не чудо ли? А другой раз, сидели мы с другом, ели, и прямо рядом со мной его убило. Пуля прошла сквозь банку кильки, которую он ел, сквозь руку, и прямо в сердце! Он на меня, бедный, повалился.

Зап. в 2005 г. в с. Володаровка от Винокурова Георгия Ивановича, 1915 г. р., русского, ветерана ВОВ, местного.

Воспоминание о войне и послевоенном времени

В 1942 году я окончил курсы механизаторов, два года работал на комбайне. Потом, в 43, призвали, два месяца был в Петропавловске. Потом пришёл набор в Троицкую авиационную школу. Если бы в мирное время, я должен был учиться два года. Но во время войны – 5-6 месяцев, остальное говорили так: «Хочешь жить, там доучишься».

После окончания, перед началом Белорусской операции, раздавали полки, и я попал в 336-й бомбардировочный авиационный полк авиации дальнего действия. И после войны мне повезло, деревенскому парню, служить в штурмовом авиационном полку, который придан Краснознамённой военно-воздушной академии командно-штурмового состава, сейчас она называется Гагарина.

Авиация дальнего действия летает только ночью. Туда три-четыре часа, в зависимости какой объект дадут. Обедаем мы в 5 часов дня. Готовность № 3 – это значит, надо ехать на аэродром. Приезжаем на аэродром, сидим час-полтора. Готовность № 2 – уже подвешивают бомбы. Потом зелёная ракета – заводи моторы. И всё. Вылетаем.

Первый идёт разведчик погоды, осветитель, и последний вылетает, который будет снимать. САБР – это светящая бомба, как повесят – иголки можете собирать, а ФАБ – это светящая бомба, это надо снять. Если бомбить объект, надо над ним развернуться, чтоб уйти и бомбить. А фотограф, он, не меняя маршрута, должен снять это – результаты. Потом утречком уже это проявляется и преподносят отчёт. Потом появились фотокинопулемёты у лётчиков-истребителей. Значит, плёнка в пулемёт вставляется, уже не обманешь, всё заснимается. А у бомбардировщика – «шпион» сзади висел и писал весь маршрут.

Сначала полк прибыл в город Нежень, есть такой на Украине. Побыли мы здесь один месяц, потом перелетели в село Нихворош Житомирской области. И вот, у нас первый вылет был на станцию Белосток – это большая узловая станция. Первый день – это такая диковинка. Ужинали мы в два часа ночи.

Я сделал общей сложностью 56 вылетов. Но авиация зависит от погоды. После обеда – мёртвый час. Ночь, двенадцать часов, когда подходит, господи, чтобы не спать, даже укол давали какой-то, стихи читаешь там, песни, и радио «Маяк» слушаешь. Всё равно хочется спать. Задание выполнишь, приземлились, штурман заполняет бортжурнал, идут с командиром на КПП, докладывают и получают талоны на сто грамм. Если работают прожекторы и не стреляют, надо смотреть в оба, значит, будут ещё и истребители. Линию фронта перевалило – всё, на своей территории.

Город Городок есть такой под Львовом, там стоял полк-истребитель, прикрывал Львов. На второй день, такие махины, их же не спрячешь, прилетела рама – разведчик так называли, немецкий, покругил, и всё. Немецкий истребитель сбил наш самолёт, на конце аэродрома загорелся он, все сгорели шесть человек. А победу мы встретили в Польше. 28-29 числа мы отбомбили в Будапеште, идём пешком по городу, слышим – Берлин взяли.

Зап. в 2008 г. в с. Приозёрное от Богатырёва Петра Тихоновича, 1925 г. р., русского, ветерана ВОВ.

Воспоминание о войне под Сталинградом

В тридцать девятом призывался, в сорок шестом в июне демобилизовался... Начал я с Западного фронта, Подольск. Первое крещение мы там приняли... Миномётчик я сам. 122-мм, полковые миномёты. Хорошие орудия, но плату таскать тяжело. Пока на конной тяге, на машинах были мы – ещё жили. А вот как с машины-то нас сняли, все ноги посотрём, пока до позиции доберёмся. А он (враг) же не ждёт! Качнуло – бывало: всё – жди. У-уууууууу – бах! Всё. А под Сталинградом ещё такой гром... В Сталинграде с 1942 года. Всю Сталинградскую битву прошёл. Так окопаться, милые мои, было, ужас. Щебёнка. Кирками, лопатой – вот так вот. А потом – на горе, пример такой, обидный: баржу (для переправы через Волгу, здесь и далее – речь о Сталинградской битве – Прим.) днём загружают. А он (противник) же видит всё. Всё, баржа пошла – раз! – Прямой наводкой! – Поплыли наши солдаты.

Под Сталинградом – сколько нашего брата замёрзло?! Подойдёшь к нему – думаешь, убитый. А он замёрз. А носили-то. Шинельки. Ботиночки лёгкие. А в марте месяце открылась такая теплота – полшубки привезли нам... В сорок третьем применили мы что? Заедала нас вошь под Сталинградом. Мы сколько пожгли обмундирования – верите, нет?! Особенно нижнее бельё. А потом применили бани. Походные. Давай прожаривать всё.

Всех много убивали – и наших, и немцам досталось. наших вначале войны больше убивали, а немцев – в конце. Немцев всегда старались убивать, в плен не брали. Последнее время немецкие войска чем проигрывать стали? Продукты-то спускают им на парашютах (после окружения 6-й армии поставка продуктов осуществлялась по воздуху – Прим.), а они попадают к нам – понимаешь? Да – Жукова сняли со Сталинграда, послали в Ростов. Перехватить помощь, которая шла Паулюсу, Жуков своё дело сделал – молодец, чего скажешь. Не дошла. Вот тогда Паулюс понял, что ему делать. И вот он сдался!

Об освобождении Польши

А что скрывать – думаете, мы нормально питались? Хрен! Кухня то потерялась, то разбилась, то на другой фронт ушла вообще... В Брянские леса зашли – там вообще... Ужас! Людей, ничего нету – ни живых, ни мёртвых. Одни печки разбитые стоят... Вот и живи как хочешь. Лошадь вышла из строя. Без командования решили заколоть – хоть поедим нормально. А за эту лошадь знаешь сколько таскали офицеры? «Какое право имели?!» А что сделаешь. Война-то, как-то не обидно было. А потом, после войны, всё было. Держишь, не держишь – купи да сдай. Масло. Мясо...

Освобождали мы Польшу. Вот этот лагерь там был... освобождали... «Освенцим». Вот там насмотрелся, что делали с людьми... Бедные люди! Мы в Польшу зашли, там думали – зайдём, дадим им там... Хрен! Зашли – висит там портрет Сталина. И написано: «Не трогай! Расстрел!» Вот так вот наши. Свой своего убивать будет за то, что тронул немца. Успели танкисты там на них отыграться.

О «дружеской» встрече с американскими войсками

На Висле произошла встреча. Американцы признали нас за немцев (начали обстреливать). Техника-то сзади осталась. Особенно «Катюши»... А когда наши подошли, «плюнули» – они (американцы), давай тряпки белые выкидывать: «Извините, ошиблись!» Как Жуков говорил: «Дайте мне ход, я их в Ла-Манш щас столкну!» А что? Люди уже обстрелялись. Стрелять было уже есть чем – не то что в 1941–1942 гг.

Зап. в 2011 году в с. Черемшанка от Еремеева Ивана Ивановича, 1919 г. р., русского, ветерана ВОВ.